

Убить дракона

Городок Свиномыск оказался грязным и унылым, как и все городки Смердии, попадавшие Леону по пути. Кругом покосившиеся деревянные дома смердов, крытые ржавой соломой, с серыми заплесневелыми стенами и затянутыми бычьим пузырем окнами. Лишь вокруг центральной площади – утопанной немощенной прямоугольной поляны – возвышались каменные многоквартирные здания в три этажа. Жилища представителей второго сословия – магов, стряпчих, торговцев, стражников, писарей и прочих бездельников, кормящихся за счет казны.

На площади возвышалась обязательная виселица и несколько кольев, на одном из которых еще висели остатки какого-то казненного, доедаемые радостно галдящими воронами. От птичьего пира исходил сомнительный аромат, не добавлявший тонких оттенков общей атмосфере города, наполненной навозной вонью и кислым запахом свежей блевотины.

Низкое серое небо дополняло тоскливый пейзаж, поливая Свиномыск мелким дождиком, идущим уже не один день, судя по полным липкой грязи грунтовыми улицам города. Берта, норовистая воронья кобыла, утопая по бабки в уличной слякоти, еле передвигала ноги, уставшие после целого дня безостановочного пути. Леон и сам порядком вымотался и намок, несмотря на длинный черный плащ с капюшоном, натянутым на покрытое татуировкой и шрамами лицо.

Душегубский аттракцион завершали три нагие девушки, привязанные к крестам в форме буквы «Х». Изуродованные пытками, посиневшие от холода мокрые тела и лица, растрепанные, слипшиеся от крови волосы. Две из них были без сознания или уже умерли. Третья бредила, произнося потрескавшимися губами неслышимые за дождем слова. Непогода разогнала зевак, только группа мальчишек пыталась подобраться поближе, намереваясь рассмотреть срамные места мучениц. Малолетних извращенцев отгонял пикой красноносый стражник в буро-зелёной однорядке.

- За что их? – спросил Леон, поравнявшись со стражником.

- Не по канону молебен спели в храме Серафима Сваровского, – изо рта служивого несло перегаром и гнилыми зубами.

- Всего-то?

- А пуще того, усомнились в святости нашего государя, – стражник, зажав пальцем одну ноздрю своего красного пористого носа, из другой метнул упругую струю соплей в сторону ближнего креста.

Всадник миновал место казней и свернул в боковую улочку. Взгляд серых глаз окидывал из-под капюшона минорную картину окружения. Каменные дома закончились. Вновь пошли заплесневелые деревяшки смердов, среди которых выделялось здание чуть более импозантного вида – двухэтажное, с застекленными окнами, крашеными стенами и пристроенной просторной конюшней. Над широким входом вывеска: медведь с кружкой и надписью «Медвежий угол». Таверна, в которой у Леона назначена встреча с заказчиком.

Леон слез с лошади и передал поводья мальчику-конюшему:

- Задай ей овса побольше, почисти круп, высуши попону. И не подходи к лошади сзади – у нее течка, может и лягнуть, если заподозрит в блудливых намерениях. Держи за труды, – и он бросил мальчишке монетку в пятьдесят сантимов.

- Благодарствую, добрый господин! – раздавленный неожиданным благодеянием, мальчик согнулся в поклоне и, не разгибая спины, пятась, потянул Бертю в конюшню.

Леон окинул взглядом полутемный зал таверны, освещенный несколькими факелами и огнем потрескавшегося камина. Матерящиеся смерды, тянущие дешевое кислое пиво. Пара крысолюдов в углу, поедающих бобовую похлебку, втянув круглоухие головы в плечи. Уснувший перед бутылкой абсента пьяный в хлам маг, в колпаке, похожем на клоунский. Проститутка с двумя клиентами. Гадалка с тремя болванами, доверчиво смотрящими ей в рот. Слепой музыкант, выводящий на цитре тоскливую мелодию.

Заказчика Леон признал сразу: в зале сидела только одна свинья. Огромный розоворылый боров в бархатном кафтане развалился за отдельным столом, уставленном тарелками и бутылками. Четырехпалой лапой он сжимал медный бокал с темным элем. Маленькие черные глазки уставились на Леона, когда тот подошел к столу.

Леон назвал пароль:

- Люди лучше эльфов.

- Но не лучше свиней, – отозвался боров низким хриплым голосом. – Присаживайся. Меня зовут Эрик.

Он смачно хрюкнул, одним глотком осушил бокал эля, налил еще себе и Леону и начал, громко чавкая, поедать бараньи почки под горчичным соусом.

- Заказывай что хочешь, я плачу! У них сегодня сносное жаркое. А на десерт возьми штрудель с апельсиновым джемом - свинское национальное блюдо. Его здесь готовят специально для меня. И хлебни этого пойла. Оно вроде ничего.

- Нет, спасибо. Обойдусь молоком и отварным цыпленком, – отказался Леон, отодвигая кубок с элем.

- Эй, корчмарь! Тащи вареную курицу и кувшин молока для моего друга! И найди чистый стакан!

Некоторое время ели молча, прежде чем Эрик возобновил разговор.

- Надеюсь, ты действительно так хорош, как расписали мне в гильдии, – указывая вилкой на Леона, прочавкал хряк.

- Как говорили Святые, «ле мёллер де мёллер» – лучший из лучших. Таково мнение магистра гильдии, – не поскромничал Леон.

- Си, ми капитан! – в тон ответил хряк фразой из «Святого Безансона». – Я окончил Сордонский университет. Был единственной свиньей на юридическом факультете. Чем и горжусь, – пояснил он свою образованность.

Подцепив на вилку очередную почку, хряк продолжил:

- Возвращаясь к баранам, мон ами. Именно такой как ты мне и нужен. Точнее, заказчику. Я только посредник.

- Заказчик инкогнито? Бьен. В случае провала, мне нечего будет рассказать под пытками.

- Я тоже так считаю. Но коль ты лучший, то о провале не помышляю. Хотя дельце несколько необычное.

- По поводу необычных дел. Хочу напомнить, что у гильдии есть кредо, касаемо некоторых аспектов нашей работы.

- Кроме женщин и детей? – лукавый взгляд хитрых глазок уперся в зрачки Леона.

- Нет, конечно. Эти глупости болтают дураки, желающие придать гильдии убийц романтический оттенок. Все много прозаичней – кого закажешь, того и убьем. Оплата по тарифу. Дети стоят дороже – слишком маленькая и вертлявая цель, труднее попасть. Я работаю в основном с дистанции.

- Тогда что за кредо?

- Никакой политики, никакой межрасовой резни. Трения с властями опасны даже для нашей гильдии, а участие в межвидовых склоках на стороне одной расы, может настроить против нас другую. Здесь без этики и прочей моральной лабуды – чисто бизнес. Что ему вредит – то побоку.

- Мон ами, ты говоришь, как барыга с Загородного рынка.

- Мы и есть барыги, только товар специфический.

- Насчет межрасовой вражды могу тебя успокоить. Заказчик человек. Равно, как и цель. Я просто посредник. Кстати, лучший в таких делах, потому и обратились к свинье, – Эрик зачавкал очередную почку и принялся заливать ее элем. – Но не без политики. Зато и плата особая! Сколько стоит задание высокой сложности? Максимум двести солидов. Половину отберет гильдия. Тебе останется денег на месяц жизни в такой вот дыре, со столом поплоше. Заказчик готов заплатить тысячу, и гильдия ничего не узнает. Как тебе это?

Леон задумался. Он служил гильдии четверть века, с пятнадцати лет. От каждого контракта откладывал немного денег. Копил на мечту – домик на Кальмаровых островах. Голубая лагуна, пара дюжин акров ананасовых посадок. Каждое утро свежие устрицы и фрукты к столу. Излишки урожая можно продавать и жить безбедно. Никаких смердов, арморейцев, редланцев, эльфов, крысолюдов, свиней. Никаких убийств. Купит в Малосмердии юную рабыню, упругую и необъезженную. Она будет делать по вечерам массаж, а по утрам – минет. И райская жизнь до самой смерти...

У него накопилось четыре тысячи восемьсот солидов. Домик стоит пять. Плюс накладные расходы. Итого около шести.

Предложение хряка пришлось как нельзя кстати. Выполнить заказ, послать гильдию подальше и рвануть на заветный остров. Не стоит ждать еще десять лет, или больше. Да и возраст берет свое, какой ты ни есть ассасин, но чем дольше искушаешь судьбу, тем скорее она тебя настигнет. Надо ловить журавля, пусть он и явился в образе свиньи.

- Две тысячи, – Леон сам удивился своей наглости.

Пятачок Эрика покраснел, глаза изумленно уставились на собеседника:

- Ух ты хватил. Не может быть и речи.

- Что? Тогда тебе мало останется, лучший посредник?

- Догадливый.

- Просто знаю людей... и свиней.

- Хорошо, черт с тобой. Две тысячи – немыслимо. Но другого случая не представится. Будь по-твоему. Теперь слушай расклад.

- Сначала деньги. Половину вперед. Прямо сейчас.

- Экий ты жадный, как все люди. Тысячи лет назад вы нас жрали, пока мы не обрели разум и не смогли за себя постоять. А теперь всячески третируете нас, ущемляете в правах. И до сих пор полно человеческих ублюдков, готовых убить нашего брата ради куска ветчины.

- Я не совсем человек. У меня дед – эльф.

- Остроухие не лучше. Отстреливают моих братьев – лесных кабанов, под предлогом того, что они, дескать, твари неразумные. А может, они эволюционируют, как мы или вы в свое время?

- Лично тебе-то жаловаться не на что, - заметил Леон, окидывая взглядом обильный стол и широкое рыло собеседника. – Но мы ушли в сторону. Как только увижу тысячу солидов, можешь начинать рассказывать свою историю.

В ответ Эрик молча достал дорогой кошелек из кожи нефритовой ящерицы и отсчитал десять золотых монет, по сто солидов каждая, разложив их перед Леоном.

- Не боишься так запросто светить деньги? Кругом полно пьяных подонков, – предостерег ассасин, сгребая монеты.

- А чего мне бояться? – с этими словами хряк достал из-под стола и положил рядом с собой боевой обсидиановый топор.

- Давай, излагай.

- Что ты знаешь про Смердию?

- Только то, что видел. Захудалая, ничем не примечательная страна. Кругом запустение, нищета и пьянство. На нее впору вешать вывеску этого кабака.

- Так не всегда было. Когда у власти стояли легисты, она слыла сильной и процветающей. Даже смогла разгромить тараканов.

- Тараканов?

- Раса огромных – в человеческий рост – мыслящих насекомых. Жили себе в Тефтельбургских лесах, собирали крошки за купеческими повозками, охотились на клопов-солдатиков. Но лет триста назад они вдруг возомнили себя высшей расой. Возжелали завоевать мир, уничтожив все прочие виды.

Не знаю, что с ними случилось. То ли метеорит упал, то ли слишком расплодились, и тесно стало в родном лесу, но пошли они войной на соседей. Мощные челюсти, высокая скорость, хитин прочнее любой кирасы. Свирепые как черти, пусть и слегка тупые. Одно за другим сметали они королевства. Самим Святым от них досталось. И только Смердия выстояла. Разгромила захватчиков и провела полную дезинсекцию материка, вплоть до злополучных лесов, выбив из насекомых всю дурь. Теперь они вновь мелкие и безобидные. Предел их мечтаний – установить господство на чьей-нибудь кухне. Вот какую силу являла Смердия! Даже богатейшая Арморья с ней считалась.

- Сильная власть еще не повод для радости обывателя. Он больше думает о собственном брюхе.

- Смерды тогда не жировали, но и с голода не дохли, – Эрик приступил к гусиному паштету с луком. – Имели всего понемногу. Но, каждая блоха грезит о собственной собаке. Вот эти самые смерды, - хряк ткнул вилкой вглубь зала, - мечтали жить как арморейские купцы и менялы, в шелках и роскоши. Жесткое регулирование экономики их уже не устраивало. Потому легисты потеряли поддержку народа, и к власти пришли конфуцианцы.

Поначалу все обрадовались, предвкушая райскую жизнь. Не понимали, жопоголовые, основного постулата политэкономии: чтобы разбогатеть одному смерду, тысяче других надо остаться без порток. На деле вышло совсем не то, чего они ждали. Конфуцианцы растащили наследие легистов, не создав ничего нового. Великая держава превратилась в один большой Свиномыск – нищую и никчемную страну. Разбогатели только коррумпированные мандарины и прочие, кто оказался рядом с кормушкой. А смерды по-прежнему пьют дешевую брагу и блюют за харчевней. Вот только о чем они теперь мечтают?

- Ближе к делу, - поторопил Леон.

- Я понимаю, что пролог затянулся. Но хочу, чтобы ты проникся...

- Чем? Жалостью к этим ничтожествам? – Леон с презрением оглядел посетителей таверны.

- Скорее, атмосферой Смердии.

- Спасибо, уже нюхнул на площади. Да и здесь амбре еще то.

- Я образно. Но коль ты нетерпелив, как подросток в борделе, постараюсь короче. Итак, народец вконец обнищал, а конфуцианская верхушка не бедствует. Все, кто присосался к державной титке, живут справно. Откуда дровишки, спросишь ты? Ведь из смердов кроме блевотины ничего не выжмешь. Ответу: рог изобилия спрятан в дерьме!

- Почему-то не удивляюсь.

- Зря иронизируешь! Веками в других странах материка дерьмом унавоживали почвы, за ради ее плодородия. В Смердии же довольствовались скудными урожаями, а говно сливали в огромные ямы и закапывали. Либо ленились возиться с удобрениями, либо религия не позволяла. Дерьма накопилось несметное количество. Смердия

прославилась его запасами. Даже название страны произошло от «мерд», что на языке Святых значит «дерьмо». За сотни лет подземного брожения оно превратилось в топливо. И вот теперь его выкачивают и продают в Арморей. Там полно самодвижущихся повозок и кораблей. Ездил туда. Своими глазами видел. Всё работает на смердийском говне, миллионы солидов текут из богатой Арморей в Смердию. Только доходы полностью идут кучке мандаринов. Такова конфуцианская мораль – серут все, а барыши «избранным». Тем, кто лижет жопу «государю» - Вэй-вану. Он любит лизоблюдов больше публичного четвертования. Держу пари, что гузно у него сияет как зеркало.

- Начинаю понимать, куда ты клонишь. Но почему Свиномыск? Вэй-ван в столице, как и положено «государю».

- Все гораздо проще, – разговоры о дерьме совсем не испортили Эрику аппетит, и он, прикончив паштет, взялся за жареные колбаски со спаржей. – Здесь, в Свиномыске, состоится съезд крупнейших говноторговцев. И это сборище барыг посетит его светлость, хранитель конфуцианской морали и защитник смердийского народа Вэй-ван. Он уже приехал и расположился в загородной резиденции мэра, в пяти верстах от города.

- Ты предлагаешь мне ее штурмовать? Я думал, у тебя есть трезвый план, – разочарованный Леон полез в кошель за так недолго гревшей душу тысячей солидов, собираясь вернуть задаток свинье.

- Подожди отчаиваться, мон ами! – удержал его хряк. – Я не рассказал о еще одной особенности Смердии вообще и Вэй-вана в частности.

- И?

- Когда старый ван Бухвальд искал преемника, его выбор пал на Вэя неспроста: тот состоял в «Тефтельной» секте. Это банда убийц-расистов, исповедующих культ древних тараканов, тех самых, побежденных легистами. Основная догма: миф о расовом превосходстве – в данном случае смердов – над прочими расами. Вэй-ван возвел ее в ранг государственной политики. Типа, смерды лучше всех, нелюди хуже зверей и прочее дерьмо. Теперь смерды винят в своих бедах не вана и мандаринов, а нелюдей: эльфов, крысолюдов, свиней. Люто их ненавидят. Даже в этой таверне я чувствую ненависть, сочащуюся из всех углов.

- Ну, тебе бояться нечего. Ты сам сказал.

- Мне-то да, но каково другим? Как только случится пожар, недород, или ребенка звери загрызут – тут же смерды устроят погром свиного или эльфийского квартала. А власти только распаляют чернь. Лишь бы за них не взялись.

- Так все-таки заказ от нелюдей? Хотя теперь уже все равно.

- Нет. Заказ от людей. Весьма респектабельных. Не знаю, их истинных мотивов. Может, дерьма им не перепало, или постов каких. Либо банальная вендетта. Придя к власти, Вэй-ван пролил реки крови и до сих пор не уймется. Но про его расовую политику я рассказал неспроста!

Эрик сделал эффектную паузу, ожидая, когда взгляд собеседника наполнится нетерпением и любопытством. Затем, осушив очередной бокал, продолжил:

- Вэй-ван, истребив столько нелюдей и людей-аболиционистов, должен носить личину первого ксенофоба. Каковым он и является. Но есть у вас, людишек, орган, который, когда встает, становится главнее и желудка, и головы. Так вот, этот орган соорстил с ваном презабавную шутку: самодержец влюбился в эльфийку.

- Да ну? Он влюбился, или его член?

- Это уже неважно. Да и разница меж этими предметами небольшая. Но суть в том, что бывшая уличная акробатка Алина теперь куртизанка номер один. И живет в роскошной загородной вилле, купленной для нее благодетелем неподалеку от Свиномыска, – Эрик довольно хрюкнул и стал раскуривать эбонитовую позолоченную трубку. Кругом распространился запах дорогого Мартиникского табака.

- Так значит, по дороге? – резюмировал Леон.

- Вот что значит профи! – радостно прохрюкал Эрик сквозь клубы ароматного дыма. – Выхватил самую суть! На местности будет выглядеть так: едет великодержавный мудила, из дома мэра к вилле любовницы, на перепихушки, и тут ты его бах! Одним выстрелом! Гениально, не правда ли?

- Да. Это более реально. Но не снимает множество вопросов. Главный: с ним будет огромная свита тех самых лизоблюдов, они перекроют цель. Да и охраны там предвидится на версту в радиусе.

- Не предвидится! Храня имидж смердийского «патриота», он в своей интрижке практически никому не раскрылся. Его сопровождают всего три верных охранника. И все. План гениальный. Я подал вана на блюде. Тебе остается только не промахнуться.

- Согласен. Когда?

- Завтра в полдень. На полпути есть разрушенная башня, оставшаяся от Древней Империи. Там отличная позиция. Вот по этому адресу, – хряк вручил Леону клочок бумаги, – найдешь кузнеца Крафта. Скажешь: от Эрика. Он снабдит тебя всем необходимым. Удачи, мон ами!

Эрик грузно поднялся из-за стола, громко хлопнул по столешнице пятисолидовой монетой и направился к выходу.

Леон выждал десять минут, прежде чем покинул таверну. На улице, перед входом собралась приличная толпа смердов и нелюдей. Они обступили что-то посреди улицы. Леон протолкнулся через толпу зевак к эпицентру их интереса. «Чем-то» оказался огромный хряк в бархатном кафтане. Он лежал рылом в грязи, а из спины торчал обсидиановый топор. Вокруг по земле расплзалась огромная лужа темной крови, едва различимая в вечерних сумерках.

Леон быстро выбрался из толпы, забрал на конюшне БERTY и поскакал к окраине города. Нашел постоялый двор «Добрый клоп», где снял дешевую комнатку в мезонине. Не доверяя добрым клопам, скинул на пол матрас и развалился на голых досках лежака. Усталость взяла своё, и уже через минуту провалился в сон.

Проснулся рано, едва светало. «Убить, или не убить? Вот в чем вопрос!» - дилемма из дешевой редланской мистерии стояла перед Леоном во весь рост и гнала утренний сон. Эрик погиб, вторую половину гонорара, в случае успеха, получить не с кого. Но и не выполнить контракт нельзя – пострадает его честь ассасина.

Наскоро умывшись тухлой водой из жестяного умывальника, Леон сошел вниз.

- Хозяин, держи за комнату и заверни пожрать на дорогу! – бросил на стойку мелочь и пошел седлать лошадь.

- Я от Эрика, – приветствовал Леон хозяина тесной прокопченной кузни.

Крафт оказался сухоньким седым старичком, совсем не похожим на кузнеца.

- Хороший был свин, хоть и стряпчий! – отозвался он. – Буду его оплакивать.

- А тебя не смущает, что он свинья?

- Нет! Меня смущают те, кого это смущает! – глаза старика воинственно заблестели.

– В былые времена все расы жили в мире и не делили дерьмо!

Немного успокоившись, кузнец перешел к делу:

Ты за безделушкой, что он оставил?

- Похоже на то.

- Не передумал, после случившегося?

- Передумал, и не один раз. Но, может быть, впервые моя работа принесет пользу кому-то, кроме заказчика.

- Может быть. Или хотя бы потешит народ и станет уроком наперед новому вану. Вот, держи, – Крафт протянул Леону деревянный футляр в три фута длиной.

В футляре оказался арбалет с оптическим прицелом.

- Четырехкратный зум, ложе красного дерева, титановые плечи, рычажная четырехпозиционная натяжка тетивы из драконьего волоса. Настоящее произведение искусства, прекрасное и надежное. Промахнуться из него может только пьяный ребенок, – расхваливал Крафт «безделушку». – А вот и розочка на торт: болты из слоновой кости.

- Зачем из кости? Чем плохи стальные?

- Ван ездит в особой колеснице. Ее по периметру опоясывает магнитный обруч – любой металлический снаряд будет притянут магнитом, без вреда для пассажира. Фокус с костяшками Эрик придумал. Единственный способ угрожать гниду.

- Ты не очень любишь вана?

- А за что его любить? За побои, что стражники дерут, окромя ванских налогов? За то, что мандарины на меня – лучшего кузнеца страны – смотрят как на говно? За эпидемии чумы и холеры? За то, что детей теперь учат полуграмотные конфуцианские шаманы? И

чему учат! Как молиться Конфуцию, как любить вана и прочему паскудству. Вообще, любовь к вану – это извращение, как страсть к скотине. Тьфу!

- Ты еще про войны забыл.

- Не забыл. То отдельная песня. Раньше воевали за независимость, за идеалы свободы. Мой прапрадед выжигал Тефтельбургский лес, спасая мир от тараканов. А ублюдок Вэй-ван обосрал эти идеалы, повернув дело так, будто зря легисты уничтожили коричневых мразей в Великой войне. Он на этих насекомых молится. Ходят слухи, что поручил магам заново вывести боевую породу гигантских тараканов, чтобы использовать их в войне. Оно и неудивительно – смердийская армия зело сильна только по словам ванских генералов и проституток-глашатаев, засирающих народу мозги. А на деле это сборище запуганных смердов, которые боятся палки капрала больше врага. Оружие никудышное, боевой дух низкий, унтера воры, офицеры пьянь, – Крафт брезгливо сплюнул на пол. – Когда смердийские части вошли в Тифлиси, во время Хурмийской войны, арморейские дипломаты животы надорвали со смеху, при их виде. Стадо козлов выглядит воинственней. Единственной боеспособной единицей оказался батальон крысолюдов-наемников, они город и взяли.

- Но хурмийцев вроде как победили?

- Ага, «победили». Да вся хурмийская армия в одной таверне уместится! Это как младенца избить. А вот напади сейчас тараканы, эти вояки и дня бы не выстояли. Тьфу!

- Спасибо за «безделушку», – Леон, повертев арбалет в руках, убрал обратно в футляр. – Она очень пригодится.

- Не за что, все уже заплачено, – ответил кузнец. – Вот держи карту местности, там отмечена позиция на башне. Иди и убей ублюдка.

Дождик, наконец, прекратился. Отдохнувшая Берта споро семенила копытами по подсыхающей дороге сквозь жидкий лесок. Голые осенние деревья тоскливо тянули к серому небу кривые ветви. Стая воронья галдела в версте к востоку, над позеленевшими куполами Свято-Навуходоносорского монастыря.

Дорога была пустынна. За час пути навстречу попалась только крестьянка в грязном спороке, согнувшаяся под вязкой хвороста. Да группа похожих на ворон конфуцианских монахов, в черных рясах и клобуках, гуськом семенявших в сторону города, выжимать со смердов последние сантиметры.

Возвышавшаяся на холме древняя башня, сложенная из неотесанных глыб побуревшего от времени известняка, еще сохраняла часть стен и площадку на втором ярусе. Стрелков Берт, Леон направился к арочному входу в башню. Пошарил в жухлой палой листве у подножия, нашел несколько жестяных банок из-под дешевого пива. Натянув поперек входа проволоку, повесил на нее эти импровизированные погремушки – полезная привычка прикрывать тыл.

Поднявшись по поросшей мхом потрескавшейся лестнице на второй ярус, стрелков огляделся. Местность просматривалась к западу и северо-западу на три-четыре версты. Он достал латунный редландский хронометр. Часы показывали двадцать минут до полудня и появления цели. Установил арбалет на сошку, припал на колени и принялся к окуляру прицела. Великолепная оптика позволяла вести огонь с полуверсты, но Леон решил бить наверняка, в момент, когда ван проедет под самой башней – в сотне саженей от стрелка.

В предполагаемое время слева на дороге показалась причудливой формы колесница, запряженная тройкой пегих лошадей. Позади дюжего возничего сидела куцая фигурка Вэй-вана, завернутая в парчовый плащ с меховым подбоем. Позади колесницы семенили три высоких охранника в необычных округлых панцирях. Посмотрев на них сквозь прицел, Леон грязно выругался, помянув недобрым словом покойного Эрика: тремя верными охранниками оказались... огромные боевые тараканы. Значит, слух, рассказанный Крафтом, вовсе не слух. Ван вывел-таки предмет своего энтомологического обожания. Семена на четырех мощных лапах, в паре других насекомые несли оружие. У двоих бердыши, третий вооружен пищалю. Примитивное оружие, несравнимое с арбалетом Леона, но на малой дистанции весьма опасное.

Голову вана прикрывала рыжая лисья шапка, со свисавшим с правой стороны хвостом. Ван кутал озябшее лицо в собольем воротнике. Леон, прицелившись между лисой и сободем, мягко нажал спуск. Взвизгнула распрямляющаяся тетива, зазвенели титановые плечи, скользнув по ложу, болт устремился к цели.

Вэй-ван, услышав свист приближающегося болта, повернул голову в том направлении. Мгновение он флегматично наблюдал за его приближением, подсознательно ожидая, когда тот прилипнет к магнитному обручу. В следующий миг он понял, что этого не произойдет. Немой крик застрял в глотке, глаза расширились от ужаса, и в один из них, с громким хлопом, вонзился болт. Фонтан крови брызнул в спину вознице. Тот обернулся и истошно завопил высоким бабьим голосом. Растерянные тараканы бестолково оглядывались по сторонам, взяв оружие наизготовку.

- Прямо в глаз! Пусть и не белка, но все же! – Леон поднялся с колена, удовлетворенно потянулся, расправляя занемевшие конечности. Взглянул на арбалет: «превосходное оружие. Жаль придется бросить. Надо уходить, пока не очухались тараканы».

Внизу раздался звон жестяных «погремушек». Кто-то неожиданно пожаловал за кулисы, пока Леон давал премьеру. Он вытащил из-за спины длинный, слегка изогнутый дзидзайский клинок и, взяв его двумя руками, встал в боевую позицию, намереваясь забрать с собой как можно больше врагов.

Боевики ванской охраны в кожаных панцирях и черных епанчах лезли по узкой лестнице, мешая друг другу. Первому Леон нанес секущий удар сверху вниз, рассекший панцирь и грудь нападавшего. Упругая струя темной крови брызнула в Леона, противник хрипя завалился на бок. Парировав плоскостью клинка удар железной дубинки второго, ассасин рубящим движением снес ему голову. Третьему отсек руку, четвертого полоснул кромкой лезвия по горлу.

Леон покрылся липкой кровью врагов, брызгавшей из их ран. Его татуированное, испещренное шрамами лицо внушало страх, глаза блестели холодной яростью, тонкие губы кривились в жестокой усмешке. Нападавшие попятились, но снизу прозвучала истеричная команда капитана:

- Вперед суки! Сам всех порешу! Живым брать гада!

Оказавшись меж двух огней, боевики вновь навалились на противника. Это стоило жизни еще двоим, а вождьленного удара дубинкой, призванного обездвижить ассасина, они нанести так и не смогли. И тут опасность возникла за спиной Леона. Тараканы, наконец пришедшие в себя, и сообразившие что к чему, воспользовались своим умением

лазать по стенам. Первый из них вполз в бойницу и попытался разрубить Леона бердышом – на него приказы капитана не распространялись. Леон чудом увернулся от огромного топора, крутанулся вокруг оси, вонзил клинок по самую гарду в щель между хитиновыми пластинами и резко выдернул. Коричневое чудовище, разбрызгивая мерзкую бурую слизь, с шипением завалилось на спину, а Леон уже разобрался с его товарищем, пробив тому огромный мутный глаз и находящийся за ним куцый мозг. Последнего он толкнул пинком со стены, не дав залезть через бойницу внутрь башни.

Отвлечшись на тараканов, ассасин потерял из виду боевиков охраны. Не надеясь больше на дубинки, они выстрелили в него сетью для ловли «террористов». Сплетенная из «чикагита» - прочнейшего арморейского волокна – она опутала Леона, как паутина, лишив возможности двигаться. Повалив пленника, боевики начали с остервенением пинать его ногами.

- Насмерть не забейте, сучата! Ублюдок мне живым нужен! – услышал Леон вопль капитана и провалился в беспамятство.

- Ну как, очухался? – Леон узнал голос капитана охраны. С трудом поднял слипшиеся, от своей и чужой крови, веки. Он стоял прикованным за руки к стене, в камере с каменными стенами и узким зарешеченным окошком. Наверное, в городской тюрьме на окраине города.

- Что, соскучился?

- Еще остришь, – рябая рожа капитана со злобными белыми глазками скривилась в ухмылке. – Только ты себя дюже умным не считай. Я переиграл тебя по всем статьям. Следил от самой границы с Редланией, откуда тебя заслали. Когда выяснил, что ты направляешься в Свиномыск, понял, кто твоя цель.

- Какой догадливый. Я сам позже узнал. Почему у таверны не шлепнул, как Эрика?

- Свинью не я завалил. Здесь неувязочка вышла, он живым бы пригодился, чтобы расспросить его про заказчиков. Крафт их не знал. Или рассказать не успел, прежде чем представился под пыткой. А всего-то разок прижгли его раскаленной заготовкой у него в кузне.

- Ах ты мразь, даже старика не пожалел.

- Он нелюдям симпатизировал, с террористами якшался, тебе оружие собрал. В заговоре на самого вана поучаствовал. Его бы все равно четвертовали. А так умер быстро... почти.

- Ты мне позволил убить вана. Вроде как тоже заговорщикам помог.

- Вэй-ван себя исчерпал, потерял популярность. С нелюдями миндальничал, смердов распустил. Не работают, только пьют, блюют и ноют. Мы тебе даже обязаны, что нас от него избавил. Он станет мучеником, погибшим от рук террористов-нелюдей. Народ сам бросится резать свиней, эльфов, крысолюдов, мстя за любимого государя. Тех, кто выживет, сгноим на рудниках.

- В самом деле думаешь, что ты лучше свиньи?

- Мне достаточно того, что я их ненавижу. Ксенофобия – прибыльная штука. Государство разбогатеет на конфискациях, смерды – на погромах. Запасы дерьма заканчиваются, и мы уже не можем бросать им объедки, у самих доходы упали.

- Награбленного надолго не хватит.

- Потом начнем войну. Вырастим поколение боевых тараканов и сомнем все эти эльфийские и крысолюдские республики. Затем возьмемся за твою безбожную Редланию, Арморюю.

- Арморюя-то чем не угодила? Не ей ли говно продаете, босяки?

- Дерьмо скоро кончится. А Арморюя вконец забодала своей толерантностью. Эльфа гуном выбрать – это ж надо! Еще нас учат жизни. Как с Армореей покончим, так во всем мире порядок наведем.

- Кишка тонка. Или на тараканов надеешься? Так им уже когда-то надрали задницу. Те хоть натуральные, лесные. А твои – мутанты из пробирки. Я их испытал в деле – говно бойцы. Смерд с багром опасней.

- Ах ты сука! – взбесился капитан и нанес короткий сильный удар Леону в «душу». Наверное, тараканы для него были чем-то вроде мамы. Очень дорогими сердцу существами.

- А расковать меня слабо? – отдышавшись, подначил Леон.

- Не на того напал. Видел, на что ты способен. Хотя, не напорись мои олухи на твою растяжку, взяли бы тебя тепленьким.

- Где ты своих олухов прятал?

- Сразу за башней роща. Дожидались, закопавшись в палой листве. Теряешь нюх, ассасин, целый отряд проворонил.

- Ветер с вашей стороны дул. Иначе бы я твою вонь учуял.

- Разведчиков-то моих не учуял!

- Чертовы монахи! – вспомнил Леон про встречу в пути.

- Ага. Послал их присматривать за тобой. Все боялся, что ты передумаешь убивать Вэя.

- Теперь-то я тебе зачем?

- А как, по-твоему, я вызову народный гнев? Проведем над тобой публичный процесс. Ты расскажешь, как нелюди тебя наняли, имена, явки.

- Так я ж не знаю.

- Верю. Но тебе и не нужно знать. Назовешь тех, на кого мы укажем.

- Поцелуй мою лошадь под хвост. Черта с два я буду в твоём фарсе участвовать. А без него у тебя ничего не выйдет. Смерды забудут про Вэй-вана за неделю пьянки.

- Будешь. Тогда умрешь быстро – удавим тебя в камере, до казни. Иначе, с живого кожу снимем. Подумай. Это тебе, чтоб лучше думалось, – и капитан зарядил сильный хук Леону по печени. После чего покинул камеру, оставив ассасина под присмотром двух стражников с широкими тупыми рожами. Один стал у двери, другой ближе к Леону.

- Эй, сторож. Дай попить! – обратился ассасин к тому, что ближе.

- Ща, поссу, тогда попьешь! – осклабился стражник.

- Ты мне руки освободи, и сразу поссышь, не снимая портов.

- Ах ты мудро! – охранник набросился на Леона и принялся охаживать его по торсу и лицу. Второй поспешил поддержать товарища в любимом занятии.

Ноги Леона свободны – смертельная ошибка стражников. Что есть силы, пнул второго стражника в живот, согнув его пополам. Подтянувшись, охватил первого ногами за шею, переломив ее с глухим хрустом. Туша охранника осела под ногами Леона. Ключи от оков, висевшие у стражника на поясе, упали рядом. Ассасин мыском левого сапога уперся в пятку правого, сбросил его с ноги. Дотянулся разутой ногой до кольца с ключами, поддел его на большой палец, вскинул ногу до высоты прикованного к стене правого запястья и перехватил ключи в руку. В секунды избавившись от оков, свернул шею уже очухавшемуся второму охраннику, на сей раз руками.

Леон перевел дух и прислушался, не бежит ли кто на шум. Все спокойно. Слышался перезвон оловянных ложек о жестяные миски. Узникам тюрьмы выдали ужин – жидкую похлебку со жмыховым хлебом.

И тут вдруг раздался мощный грохот, стены камеры затряслись и обвалились в дальнем углу. Узилище заволокло пылью и каменным крошевом. Чуть пыль рассеялась, как в проломе показался огромный свин в бархатном кафтане. За спиной у него виднелось устройство из двух пыхающих паром цилиндров серо-стального цвета. Эрик улыбнулся во все рыло:

- Рад тебя видеть, мон ами!

- А я-то как рад! Что ты сделал со стеной? – Леон отряхнул с себя каменную пыль.

- Взорвал пластилином. Лепишь на стенку, поджигаешь шнур и бах! Арморейская штука на случай, если забыл ключи. А теперь нам пора. Мы на верхнем этаже тюремной башни, придется полетать, – хряк пристегнул Леона к себе парой ремней, нажал что-то на своем устройстве и они резким рывком вылетели наружу.

- Как ты это делаешь? – крикнул ассасин, перекрывая шум воздуха, рассекаемого летунами.

- Какой же ты темный! Джетпак, мон ами! – самодовольно прохрюкал Эрик.

Они летели в десятке саженой от земли.

- Кого зарубили вместо тебя, там у таверны?

- Бродячий актер вызвался исполнить мою роль и погулять вечером у входа в кабак. Я его сам убил, как только вышел на улицу. Метнул топор в спину и смылся. Темно было, никто не видел. Показалось так, что меня завалили моим же оружием. Даже ты поверил в мою смерть. Для вас, людей, все свиньи одинаковы. Жалко актера, но пожертвовав пешкой, я взял короля.

- Моими руками.

- Я же тебя спас. Теперь мы квиты.

- Не совсем. Вторая половина гонорара.

- Вот, держи. Можешь не пересчитывать, – передавая кошель, крикнул Эрик. – Здесь две тысячи солидов, с компенсацией тех, что вытащили у тебя боевики охранки. Все, пора прощаться.

- Что?! Прощаться? Мы же в воздухе!

- Если приземлимся вместе – разобьемся. Джетпак не рассчитан на такой вес. Я тебя отпущу вон над тем озерком. Вода амортизирует удар. Ты не поранишься.

- Не смей! Вдруг там мелко? Ты свиньяаааа!!!

* * *

Экваториальное солнце тонуло в аквамарине лагуны, оставляя на воде оранжевую дорожку. Легкий ветерок шевелил верхушки пальм и страницы «Арморей ньюс», лениво просматриваемые Леоном, развалившимся в шезлонге на пляже перед уютным бунгало в аттическом стиле.

Загорелая до полинезийского колора беловолосая рабыня Олеся смешивала для него огромный бокал «Пуна колада». Прелести длинноногой красавицы прикрывала только золотая цепочка на бедрах, да пара браслетов на запястьях.

Прежде чем перейти к последней странице со сводками цен на ананасы и устрицы, Леон мельком проглядел заголовки политических новостей. В Святонии забастовка диспетчеров ковровиний, в Армореи растут цены на дерьмо, в связи с событиями в Смердии. В последней назревает гражданская война. В столице столкновения легистов и расистов, повсюду митинги и бунты против конфуцианцев, говноторговцы и мандарины

покидают страну. Крысолюдские автономии объявили о независимости. Новый ван собирает войска для похода на отщепенцев, а соседние государства объявили частичную мобилизацию, опасаясь смердийских провокаций.

- Твой коктейль, мой господин, – проворковала Олеся, ставя «Пуна коладу» на маленький столик подле шезлонга. – И еще письмо. Пришло с утренней почтой, прости, что не сразу его отдала.

Конверт из бумаги кофейного цвета сплошь покрыт штемпелями почтовых отделений полудюжины стран. На восковой печати, скрепляющей послание, надпись: «Мэтр Эрик Хрюмбаум, юридические услуги по лучшим ценам».

- Нет, нет, нет! – заорал ассасин, в ярости кидая невскрытое письмо на столик. – Во всяком случае, не сейчас, – добавил он более спокойно, переведя взгляд на обрисованный закатом стройный силуэт Олеси.

Глоссарий и расстановка ударений (ударные гласные отмечены [...] скобками):

Смерд[и]я – страна в центре старого материка

Армор[е]я – страна, занимающая весь новый материк

Редл[а]ния, Свят[о]ния – страны на западе старого материка

Малосм[е]рдия – бывшая, ныне независимая часть Смердии

Святые – протораса, культурная предтеча Святонии, Редлании и Арморей

Вэй (Уэй) – личное имя

Ван – глава монархии (царства или княжества)

Гун – выборный глава государства

Однорядка – однобортный кафтан, униформа смердийских стражников

Епанча – длинный широкий плащ

Бьен – хорошо

Стряпчий – адвокат, нотариус

Мандарин – чиновник